

Глава 48. Деревня Цзюаньлоу 13

Лу Хуэй открыл глаза.

Вокруг царил гробовая тишина, и лишь горстка игроков оставалась на месте.

Он, Мин Чжаолин, Яо Хаохао, Ци Бай, Вэнь Юаньшуй и ещё один, незнакомый ему игрок, вероятно, из группы Вэнь Юаньшуй.

Кроме них, не осталось ни единой живой души, способной двигаться, бегать или изъясняться человеческой речью.

... Лу Хуэй предположил, что те игроки, что так и не появились, либо вкусили того мяса в иллюзии, либо лишились дара речи, а возможно, и вовсе вытолкнули вперёд своих «младших сестёр»?

Неужели эта иллюзия проверяла истинную натуру игрока?

Лу Хуэй мысленно выдохнул.

Уже одно это возносило сложность данного инстанса на совершенно иной уровень.

Возвышение по-прежнему стояло на месте, а вот шаманка с деревенскими бесследно исчезли, словно всё, что было до иллюзии, оказалось лишь плодом их воображения... А кто сказал, что такое невозможно?

Вэнь Юаньшуй тоже заметил, что в его группе выжил лишь один человек, и, тихо цокнув языком, пробормотал:

— Теперь мы и числом не выходим.

И это не считая того, что у них там не только Мин Чжаолин, но и... Взгляд Вэнь Юаньшуй скользнул по Лу Хуэю, погружённому в свои мысли и пока что не обращавшему на них внимания. Этот тип... Неужели Цзюнь Чаомань? Не зря этот игрок заинтересовал того психопата.

Хотя Мин Чжаолин не двигался, стоя рядом с Лу Хуэем и безучастно накручивая на палец

кончики своих волос, Вэнь Юаньшуй отчётливо понимал, что стоит ему лишь попытаться сбежать, как Мин Чжаолинь тут же пустит в ход оружие.

Сражаться — бесполезно, использовать способности... тоже не вариант.

Дело не в том, что даже со способностями не было ни шанса на победу, а в том, что им ещё предстоит биться с боссом. И без того понятно, насколько сильна должна быть обида у босса, принявшего столь ужасную смерть, и сколь могущественным он должен быть.

К тому же, их происхождение заранее лишало их возможности найти идеальное решение, ведь они — потомки тех самых скотов.

В мгновение ока, взвесив все «за» и «против», Вэнь Юаньшуй неспешно поднял руки в знак капитуляции и заявил с деланной искренностью:

— Могу я попросить о перемирии?

Он обращался к Мин Чжаолиню, но тот не удостоил его ответом.

Яо Хаохао и Ци Бай тоже промолчали, уставившись на Лу Хуэя.

Лу Хуэй наконец очнулся, скосил на того глаза, и теперь его облик разительно отличался от того, каким он был в иллюзии.

Там Лу Хуэй был холоден и свиреп, всем своим видом воплощая слова «не приближаться».

Он приподнял бровь и, глядя на Вэнь Юаньшуя, произнёс:

— Конечно, можно. Сначала расскажи нам всё, что узнала твоя группа, а там я подумаю.

Улыбка Вэнь Юаньшуя стала несколько вымученной:

— ... Друг, по-моему, так дела не делаются?

Раньше только он мог быть «пронырливым торговцем», а теперь...

— Ты можешь выбрать и второй путь. — Лу Хуэй склонил голову набок и, с сияющей улыбкой, продолжил, — Позволить Мин Чжаолиню прикончить тебя.

Вэнь Юаньшуй: «?»

А вы разве вы не охотник и дичь?

Вэнь Юаньшуй с немым изумлением уставился на Мин Чжаолиня, и тут тот приподняв бровь, с удовольствием достал кинжал:

— А-Мань. — обратился он к Лу Хуэю. — Тогда это уже ты заключаешь сделку со мной.

— Договорились. — согласился Лу Хуэй. — Я могу предложить тебе достойную награду.

— Погодите! — Вэнь Юаньшуй впервые за долгое время по-настоящему запаниковал. — Подождите! Я скажу!

Он страшился, как бы Мин Чжаолинь не порубал его на месте, и повторил:

— Я скажу!

Мин Чжаолинь разочарованно убрал кинжал.

Вэнь Юаньшуй не мог сдержать вздох облегчения и наконец заговорил:

— Наша группа собрала не так уж много зацепок, не знаю, есть ли среди них что-то полезное для вас.

— Вы, наверное, видели только одну женщину-NPC — шаманку. А вот мы встречали и других женщин-NPC, в ужасном состоянии, словно уже одной ногой в могиле, до того древние, что, кажется, вот-вот превратятся в духов. Но, как ни странно, именно они — наши родители.

Если судить лишь по внешности, разница в возрасте была столь велика, что запросто можно было принять их за прабабушек, и то с натяжкой — скорее уж, за прапрабабушек.

Это и впрямь была важная зацепка, ведь Лу Хуэя до сих пор беспокоило отсутствие других женщин-NPC и означало ли это, то что всех молодых женщин и женщин постарше в деревне в итоге съели?

Теперь же выходило... Что возможно, съели лишь тех женщин, что не шли за толпой, не становились сообщницами в их злодеяниях. Их клеймили как «нечисть» и пожирали, словно яства.

А те, что ели...

Зачали ли они естественным путём, или же беременность стала чистой случайностью — то

есть, произошла без участия отца — оставалось загадкой.

Всё-таки, если исходить из целостности истории, больше смахивает на последнее.

Но если верно последнее, то это означало, что их нынешний состав тоже оказывался несколько... своеобразным.

Возможно... они, «чужаки», и были настоящими потомками тех скотов, а Вэнь Юаньшуй и его группа — «людьми», заново переродившимися из плоти и душ тех, кого съели. Так называемый «обмен жизнями» означал не только то, что сторона Лу Хуэя должна была заплатить кровью за кровь, но и то, что сторона Вэнь Юаньшуй получала шанс заново прожить жизнь по-человечески.

Лу Хуэй взглянул на Вэнь Юаньшуй:

— Ночью к вам приходила А-Гуань?

Вэнь Юаньшуй опешил и мгновенно сообразив, что к чему, уставился круглыми глазами:

— Значит, А-Гуань приходила к вам каждую ночь?

Лу Хуэй кивнул и жестом велел ему отвечать на свой вопрос.

Вэнь Юаньшуй почувствовал головную боль от подобной бдительности Лу Хуэя, но всё же ответил:

— Она к нам не приходила... По крайней мере, ко мне — точно нет.

Лу Хуэй:

— А ты ел мясо?

Вэнь Юаньшуй:

— Какое мясо... А, ты о той чаше с мясом, что нам подали во время обряда, когда мы только попали в инстанс?

Даже догадываясь, что это могло быть, он без тени смущения продолжил — в этом игровом мире, не умея притворяться, выжить было ох как сложно:

— Я ел. Та шаманка стояла рядом и смотрела, чтобы мы не отказались.

Вэнь Юаньшуй не столько оправдывался, сколько констатировал:

— По вкусу то мясо и впрямь было особенным, не похожим ни на одно, что я пробовал прежде. Но я не могу понять, зачем, если это... зачем нам его есть?

Лу Хуэй тоже хотел бы знать.

Если смотреть с точки зрения Вэнь Юаньшуя, который ещё не догадался о том, о чём предполагал Лу Хуэй, то необходимости есть это мясо не было. А с его точки зрения — и подавно.

К тому же, к Вэнь Юаньшуй и его группе А-Гуань не приходила.

А той информации, что Лу Хуэй выдал Вэнь Юаньшуй о ночных визитах А-Гуань, тому было достаточно, чтобы до кое-чего додуматься.

Он не был дураком. Чтобы подняться на вторую позицию, помимо того, что его способность сильно помогала, требовались и личные качества. Он почти мгновенно осознал, что А-Гуань, возможно, была на их стороне, и что означало их происхождение как «коренных жителей».

Лу Хуэй, заметив мимолётную перемену в его выражении лица, не стал торопить события, а лишь слегка улыбнулся и доброжелательно посоветовал:

— И что с того, если она с вами заодно?

Его беспечная манера порой заставляла тех, кто был больше знаком с Мин Чжаолинем, чем с ним самим, подмечать в нём нечто общее с Мин Чжаолинем:

— Ты ведь прошёл не один инстанс в этом мире и не настолько глуп, чтобы думать, будто, получив какую-то особую роль, можно спокойно лечь и пройти его без забот?

Инстансы и Система никогда не благоволили ни к одному игроку.

Вэнь Юаньшуй застыл.

Это он, конечно, знал. Но Цзюнь Чаомань...

Откуда же тогда взялся этот игрок, о котором он прежде никогда не слышал?

Вэнь Юаньшуй скользнул взглядом по Яо Хаохао и Ци Баю — эти двое явно занимали положение подчинённых Лу Хуэя, а молчавший Мин Чжаолинь... тоже, похоже, поддерживал его.

Едва его взгляд коснулся Мин Чжаолиня, как тот встретился с ним глазами — его насмешливое выражение лица не позволяло угадать о чём он думает.

Плюс в той иллюзии... отношения Мин Чжаолиня и Цзюнь Чаоманя и впрямь были чересчур тесными.

— Не переживай. — Вэнь Юаньшуй подавил свои сомнения и сказал Лу Хуэю, — Конечно, я это понимаю.

Он даже по собственному желанию поделился своей зацепкой:

— Хотя, раз уж ты заговорил, я не уверен, связано ли это с тем мясом, но в ту ночь, когда мы попали в инстанс, мне приснился сон. Будто я бреду в кромешной тьме и что-то ищу.

Лу Хуэй приподнял бровь.

Неужели этот инстанс... заставляет их ещё и что-то искать?

Хотя, что тут удивительного — сейчас им нужно найти немало вещей. И для начала... надо проверить тот гардероб.

Интересно, поддастся ли он теперь грубой силе, после того как они прошли сюжетную схватку.

Вэнь Юаньшуй продолжил, вернув Лу Хуэя к реальности:

— И ещё, когда я ел то мясо, мне почудилось, будто кто-то поёт. Тогда я подумал, что это шаманка, но теперь мне кажется, что, возможно, это был не её голос. Впрочем, слышно было очень плохо, я разобрал только какие-то обрывки фраз.

Он повторил:

— Что-то вроде «не найти», «пропало», и ещё... очень отрывисто, трудно описать.

Тогда Вэнь Юаньшуй, связывая это со своим сном, думал, что это могла быть важная зацепка, указывающая ему, что нужно найти что-то.

Но вот что именно — он не имел ни малейшего понятия.

Лу Хуэй иронично приподнял бровь:

— Судя по роли вашей стороны, вряд ли вам велено отыскать в себе совесть.

Что ж, верно.

Вэнь Юаньшуй аж поперхнулся от такой шуточки с подтекстом.

У Вэнь Юаньшуя были и другие зацепки:

— Кроме того, я нашёл у себя дома много ритуальной жёлтой бумаги*, на которой были записаны имена клана Ян. В основном женские. Память у меня неплохая, так что я запомнил, что среди них были имена «Ян Ин» и «Ян Минь».

* 黄表纸 (huángbiǎo zhǐ) — Букв. «жёлтая обрядовая бумага» — это тонкая жёлтая бумага, традиционно используемая в китайской народной религии и даосских обрядах. Её часто применяют для изготовления оберегов, подношений духам и предкам, ритуальных сожжений во время поминовений или праздников вроде Фестиваля духов.

— Когда я нашёл эту бумагу, NPC, исполняющая роль моей матери, стояла у меня за спиной и пробормотала: «Те, кто сопротивляется — будут потеряны».

Лу Хуэй замер. Он взглянул на Мин Чжаолиня, и их взгляды встретились.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. Затем Мин Чжаолинь усмехнулся, и в глубине его глаз мелькнуло нечто неуловимое, что невозможно было выразить словами.

Лу Хуэй снова повернулся к Вэнь Юаньшуй:

— Ты уверен, что это воспоминание было у тебя с самого начала, а не появилось только что?

Его вопрос подразумевал два варианта. Если воспоминание было изначально, то как инстанс мог определить, что он и Мин Чжаолинь обязательно окажут сопротивление? Это вряд ли было предустановкой Системы, значит, в сюжете оставались неясности. Если же верно последнее...

Лу Хуэй подумал, что мог бы использовать свою способность ещё раз, но не сейчас.

Вэнь Юаньшуй тоже понял его намёк. Он покачал головой:

— Я не могу с уверенностью сказать, какой из вариантов верен.

— Хорошо. — сказал Лу Хуэй. — Понятно. Сначала найдём гардероб.

Умные люди быстро схватывают суть, но им важно чувствовать, что они действуют сообща.

— Значит, перемирие достигнуто?

Лу Хуэй кивнул:

— Разумеется.

Он даже не стал это скрывать:

— Твои зацепки оказались очень полезны.

Вэнь Юаньшуй: «...»

Его обычно мягкая и безмятежная улыбка на мгновение застыла.

А если бы они оказались бесполезны, он бы сейчас тут и скончался?

Поскольку никто не знал, сколько времени у них осталось, они не стали затягивать разговор.

Когда выяснилось, что драки не будет, Мин Чжаолинь первым развернулся.

Как жаль.

Мин Чжаолинь безучастно размышлял, всё ещё надеясь на срыв переговоров, чтобы тогда Цзюнь Чаомань рассказал ему, в чём заключается способность Вэнь Юаньшуя, и он мог бы её отобрать.

В конце концов, способность Вэнь Юаньшуя... он пробовал разгадать её несколько раз, но так и не понял, в чём именно она заключается. Однако мог предположить, что она не была однонаправленной, а, имея некий центральный принцип, могла развиваться в разных направлениях.

В те несколько раз, когда Мин Чжаолинь с ним встречался, он ясно чувствовал, что его способность была необычной, и желал заполучить её ещё сильнее.

Жаль, конечно, что драки не вышло, и ему не представилось возможности подобрать осколки.

Однако...

Мин Чжаолинь слегка тронул уголки губ, и его ресницы, чёрные как вороново крыло, чуть опустились, скрывая вспыхнувший в глазах интерес от некой догадки.

Он предположил, что те игроки, что не осознали попадания в иллюзию, неизбежно проявляли в мире иллюзии свою истинную натуру.

Истинная натура Цзюнь Чаомаля была воплощением холодной надменности и замкнутости, словно крошечная петарда, таящая в себе искру мрачности. Эта внутренняя сущность разительно контрастировала с той добродушной маской, которую он носил сейчас. Несведущий наблюдатель, не знающий его истинного облика, мог бы принять их за братьев-близнецов, настолько разительными были их различия. Разница в манерах преображала даже черты лица, создавая совершенно иное впечатление.

Что же до пресловутой «младшей сестры», Мин Чжаолинь предположил, что, возможно, это был детский облик той, что сейчас старше.

К своей «младшей сестре» он не испытывал никаких чувств, можно даже сказать — не воспринимал её, как реальную.

Но вот А-Ин...

Когда Лу Хуэй пошёл за ним следом, Мин Чжаолинь обернулся и с улыбкой произнёс:

— А-Мань, ты в детстве был такой милашка.

Он знал, что у Лу Хуэя наверняка были схожие догадки, и потому с удовлетворением наблюдал, как тот удивлённо на него уставился. Наконец-то эти фениксовые глаза смотрели на него не с холодным раздражением, вызывающим необъяснимый внутренний пожар, а с изумлением и омерзением.

По телу Лу Хуэя не только пробежали мурашки, у него даже заныла кожа головы:

— Говори нормально, не морочь людям голову!

Мин Чжаолинь улыбнулся ещё шире, и, видя, как его тонкие губы зашевелились, готовые изречь очередную чушь, Лу Хуэй чётко и ясно заявил:

— Хочешь, я помогу тебе вспомнить?

Лу Хуэй сладко улыбнулся:

— Сестрёнка А-Минь?

Мин Чжаолин: «.....»

Улыбка мгновенно исчезла с его лица, и желание искать развлечений поугасло.

Мин Чжаолин правда не понимал, почему в том «прошлом», которого он не помнил, был так прилипчив и дружелюбен по отношению к Лу Хуэю, что нынешнему ему было противно, тошно и досадно до крайности.

Если бы не смутное ощущение неестественности и странности той иллюзии, не инстинкт, заставивший его остановиться, он бы и впрямь придушил того «себя».

Видя, что тот примолк, настал черёд Лу Хуэя улыбнуться.

Лу Хуэй прищурился и даже похлопал Мин Чжаолина по плечу. Поскольку оба они, начиная с провокации Мин Чжаолина, говорили шёпотом, то и сейчас их голоса были приглушёнными. Окружающие не знали, о чём они беседуют, и со стороны это выглядело слишком фамильярно.

Но была ли эта фамильярность искренней или просто игрой — знали лишь двое.

Вернувший себе преимущество Лу Хуэй с удовлетворением приподнял бровь и, улыбаясь, протянул Мин Чжаолиню оливковую ветвь:

— Ты молчишь, я не вспоминаю, договорились?

Мин Чжаолин был не против.

Просто он был малость раздосадован, что едва найденное развлечение было так легко отнято Лу Хуэем.

Но, видя, что тот согласился, Лу Хуэй остался ещё более доволен.

Разобравшись с Мин Чжаолинем, Лу Хуэй наконец переключился на Яо Хаохао с Ци Баем:

— А с вами потом что-нибудь происходило?

Выражение лица Яо Хаохао было не из приятных:

— ... Там я тоже была девушкой.

Её переживания в иллюзии оказались довольно тягостными. В последней сцене, той самой сюжетной схватке, поскольку она решительно отказалась есть человеческое мясо и сопротивлялась этому, родители заперли её в гардеробе.

Та обстановка вселила в Яо Хаохао жуткий страх, но одновременно с этим она сумела вырваться из окутавшей её пелены и вспомнила, кто она такая.

Она — Яо Хаохао, и фамилия её — не Ян.

И эту фамилию... никто не вправе у неё отнять.

Только она собралась с духом, как снаружи с грохотом ударили в дверцу гардероба, и мужчина, бывший в иллюзии её отцом, яростно закричал на неё через дверь:

— Чёртова нечисть! Немедленно покинь тело нашей А-Мэй!

Яо Хаохао вспомнила, как он ел человечину, и взгляд её похолодел.

Но прежде чем она успела что-либо предпринять, снаружи вдруг раздался крик:

— А-Юн вернулся! —

И после суматошных звуков снаружи воцарилась тишина.

Яо Хаохао подождала немного и попыталась выбраться самостоятельно, но тонкая дверца гардероба будто превратилась в железную стену — сколько ни бейся, не проломить. Она изо всех сил пыталась вырваться, но так и не смогла.

— И вот именно в этот момент я услышала голос А-Гуань.

Вспоминая тот момент, Яо Хаохао невольно сжала губы:

— Это был не только голос А-Гуань, но и голоса других деревенских девушек, слившиеся воедино. Они говорили мне...

— Не сбежать.

— У старосты по всей деревне есть «глаза».

— Нам не убежать.

— Как же больно...

А ещё —

— Спасибо, что не приняла нас за нечисть, спасибо, что выбрала нас.

Яо Хаохао тогда почувствовала, будто незримые руки нежно обняли её и услышала тихий шёпот:

— Мы тоже будем защищать тебя. Поспи немного, а когда проснёшься, заново родишься.

Неизвестно, было ли это потому, что Яо Хаохао осознала себя не как Ян Хаохао, жительницы этой деревни, или же это была просто часть сюжетной схватки, награда в виде зацепки для Яо Хаохао, но так или иначе, она не уснула. Она почувствовала, как рука легла ей на грудь, но прежде чем произошло что-то ещё, они вышли из иллюзии.

— Промах. — вздохнул Лу Хуэй. — Надо было поджечь всё попозже.

Вот что плохо в прохождении инстанса с полным погружением, так это то, что нельзя обсудить свои действия с напарниками по голосовой связи, как в обычных играх.

Яо Хаохао ошалела, и большая часть её подавленности и остаточного страха рассеялась:

— ... И тебя не смущает, что я могла умереть?

Лу Хуэй рассмеялся:

— Так я же верю в силы сестрички А-Хао!

Яо Хаохао: «.....»

В такие моменты она отлично понимала, почему Мин Чжаолинь объявил на Лу Хуэя охоту.

Холодным тоном она бросила:

— Заткнись.

Однако...

Яо Хаохао взглянула на Лу Хуэя.

Его облик в иллюзии и сейчас сильно различался.

Лу Хуэй не заткнулся, но отбросил шутливый тон и серьёзно произнёс:

— Зато теперь кое-то стало ясно.

Все посмотрели на него, но Лу Хуэй устремил взгляд на того, кто вёл себя как посторонний, — некоего прохожего по фамилии Мин. Тот и впрямь не совсем понимал, почему Лу Хуэй вечно искал у него подтверждения своим догадкам, но всё же кивнул:

— Ага, я тоже так подумал.

Не дожидаясь вопросов остальных, Лу Хуэй продолжил:

— Просто зацепки Яо Хаохао связали некоторые вещи воедино. Я подумал, не могло ли быть так, что, когда обиженные души достигают некой точки, они образуют ту «А-Гуань», что мы видим сейчас. Они забирают сердца, а значит и души, у тех, кто ещё жив, но кого собираются превратить в «мясо», и кто не только протестует против людоедства, но и заступает за них. Так что деревенские едят лишь пустую оболочку. А сердца, возможно, будут возвращены в подходящий момент в будущем... Вы ели мясо, но А-Гуань вас не трогала — значит, оно изначально было вашим. А нас, независимо от того, ели мы то мясо или нет, она преследовала... что означает, что мы — объект её мести. Просто, если следовать временной линии, наше поколение уже с сильно разбавленной кровью по сравнению с теми временами, поэтому ей нужно, чтобы мы съели «незавидного барана», прежде чем она сможет на нас напасть.

Это подтверждало их прежнюю догадку.

Ци Бай не выдержал:

— Неужели то, что мы защищали её в иллюзии, не принесло нам никаких поблажек?

— Потому что тогда мы были игроками, действовавшими в иллюзии от своего собственного имени.

Поэтому имена тоже были связаны с их настоящими именами.

Лу Хуэй ответил:

— А сейчас, по крайней мере, здесь, мы — потомки жителей этой деревни.

Так что А-Гуань непременно нападёт на них, ведь в её глазах они не те, кто её защищал, а потомки тех скотов, что растерзали её и других девушек.

У Ци Бая возник новый вопрос:

— А те, кто не ел... они в безопасности?

Лу Хуэй одарил его сияющей улыбкой:

— Как думаешь, может ли быть такое правило, что если сила достигает определённого уровня, то это ограничение снимается? И тех игроков, что остались в иллюзии, было достаточно, чтобы усилить её до нужной степени?

Этот инстанс и впрямь очень сложный.

Если в иллюзии был сделан неверный выбор, второго шанса уже не будет. Какими бы способностями ты ни обладал и насколько бы силен ни был, если вкусил человеческой плоти, то, даже вспомнив, что ты игрок, и разрушив иллюзию, ты, вероятно, всё равно умрёшь.

Но у этого инстанса есть и самое простое решение.

Если никто не ел человеческого мяса, нынешняя А-Гуань не сможет атаковать никого из них. Им останется лишь пройти инстанс до конца, восполнить пробелы в истории, и можно будет уходить.

Короче говоря, это была бы концовка с хорошим финалом.

Лу Хуэй был прав. Ци Бай глубоко вдохнул, затем со вздохом выдохнул, и его начало хватывать беспокойство.

Любой, у кого была голова на плечах, мог почувствовать, что босс этого инстанса и впрямь невероятно силен.

Пока они разговаривали, они наконец добрались до дома Ян Цяньфая.

Вокруг было тихо и безлюдно. Лу Хуэй и остальные без лишних слов поднялись на второй этаж и выбрали ближайшую комнату — ту, в которой спал Лу Хуэй.

Как и прежде, замок никак не поддавался.

И вот в этот момент другой игрок, до сих пор не проявлявший себя, робко поднял руку:

— Э-э, моя способность, возможно, может открыть его. Позвольте попробовать?

Те, кто уже измучился с этим гардеробом — за исключением Мин Чжаолия, который, казалось, вообще не слышал этих слов, — тут же расступились, словно перед настоящим мастером.

И он оправдал их ожидания, действительно открыв этот замок.

Универсальный ключ?

Мысль мелькнула в голове Лу Хуэя, но он тут же подавил её.

Он опустил взгляд, снова встал перед шкафом и едва заметно усмехнулся, в его улыбке читалось нечто похожее на самобичевание.

Лу Хуэй, ах Лу Хуэй.

Ведь ты и впрямь прирождённое чудовище.

Со стороны в нём не было ни капли странностей или колебаний — он просто протянул руку и распахнул дверцу.

Ни трупов, ни скелетов, ни нечисти... В общем, никаких жутких или кровавых вещей, которые можно было бы вообразить, внутри не оказалось.

Гардероб был пуст, но на всех четырёх деревянных стенках виднелись зарубки разной глубины. Следы были не похожи на оставленные ножом, больше напоминая царапины от ногтей.

Словно... живого человека заточили в гробу, и это — результат его отчаянной борьбы за свободу.

На несколько мгновений воцарилась тишина.

И тут откуда-то донёсся тихий, едва слышный женский голос, напевавший ту самую песенку, что звучала прежде в ушах у Лу Хуэя —

Мамочка, не плачь

Папочка, не спеши

На малом огне томится «Незавидный баран»

Братец, не бойся

Сестрица, не тревожься

Бараний костяк растирается в кашу

Сытно поел — и слух стал острее

Набравшись сил, снова барана зарежь

Один, два, три, четыре...

Барашек стонет, барашек плачет

Без ног никуда не убежит барашек...

.....

Взгляд Лу Хуэя на мгновение помутился, и перед ним возникла А-Гуань.

В отличие от прежней А-Гуань, являвшейся призраком, эта была очень похожа на ту, что была в иллюзии — с мягкими, нежными чертами лица, чья улыбка, казалось, заключала в себе всю прелесть гор и рек:

— Ты всё ещё не вспомнил?

Она спросила его:

— Ты всё ещё не вспомнил, из-за чего и зачем ты пришёл?

... Что?

Его ясный ум мгновенно погрузился в трясину, увязая в хаосе и липкой мгле, не в силах

вырваться.

Из-за чего он... пришёл?

Почему он пришёл на гору Цзюаньлоу, в деревню Цзюаньлоу? Почему он...

Он игрок.

Следовательно, естественно, из-за инстанса...

Нет, не так.

А-Гуань говорила о его личности — неужели он и вправду был всего лишь путешественником, выбравшим гору Цзюаньлоу для восхождения?

А-Гуань парила в воздухе, смотря на него с лёгкой печалью во взгляде. Она отличалась от прежней А-Гуань, и была очень похожа на ту, что он видел в иллюзии:

— Неужели ты и вправду забыл всё это?

Что?

Губы А-Гуань шевельнулись, она что-то прошептала, но Лу Хуэй лишь видел движение её губ, но не услышал самих слов.

И это происходило не только с ним — Мин Чжаолинь и другие тоже пережили подобное.

В момент помутнения мышцы Мин Чжаолиня инстинктивно напряглись. Появившаяся перед ним А-Гуань не была столь мягкой и дружелюбной, как перед Лу Хуэем, но и не выглядела чрезмерно свирепой или разгневанной. Она лишь смотрела на него ледяным взглядом и наконец со вздохом произнесла:

— С того момента, как вы осквернили Бога-Барана, вы оказались здесь в западне. Сколько бы циклов ни прошло... вы неизбежно вернётесь.

Её голос был тихим, и, даже несмотря на отсутствие гнева или ненависти на лице, эти слова звучали словно проклятие:

— Ибо с того мгновения ваши души оказались в заточении здесь, навеки лишённые освобождения.

Мин Чжаолинь усмехнулся:

— Хотя я и не одобряю поедание человеческой плоти — ведь есть и убивать это разные понятия, и проглотить такое действительно сложновато, — но если уж ты собираешься судить меня, не могла бы ты обойтись без загадок? Говори прямо.

Однако из этого призрака невозможно было вытянуть ничего внятного.

А вот для Яо Хаохао всё было совершенно иначе.

Внезапно появившаяся перед ней А-Гуань с болью в сердце обняла её, слёзы тут же покатились градом, орошая её одежду:

— Прости.

Она прошептала на ухо Яо Хаохао:

— Я не сумела защитить тебя, а ведь должна была.

Яо Хаохао слегка опешила, в её янтарных глазах мелькнуло недоумение, но она не шелохнулась.

Сказанное А-Гуань, должно быть, относилось к её роли. По логике, она была на одной стороне с Лу Хуэем и остальными, так почему же с ней обходились иначе? Её роль тоже должна была быть потомком или реинкарнацией тех, кто погубил А-Гуань и других деревенских девушек... А-Гуань не должна была быть с ней столь добра.

Ведь они уже не в той иллюзии.

И что означало «должна была защитить тебя»?

Даже если в чреве А-Гуань и впрямь был Бог-Баран, и именно его желание обрести плоть привело к бедствию, разве А-Гуань не должна была защищать...

Погодите?!

Та, кого А-Гуань должна была защитить... это же Бог-Баран... верно?

Зрачки Яо Хаохао сузились.

Бог-Баран... он же изначально был женщиной.

Но... она же на одной стороне с Лу Хуэем?

Когда этот короткий эпизод «явления А-Гуань» завершился, у всех были разные выражения лиц.

Лу Хуэй пребывал в недоумении, а Мин Чжаолинь был раздражён неудачной попыткой выведать информацию.

Ци Бай был бледен как полотно. Лу Хуэй, бросив на него взгляд, понял, что А-Гуань сказала ему не то, что другим, и прямо спросил:

— Сяо Бай, что тебе сказала А-Гуань?

Ци Бай схватился за голову:

— Сказала, что я грешник... а если точнее: «С того момента, как вы осквернили Бога-Барана, вы оказались здесь в западне. Сколько бы циклов ни прошло... вы неизбежно вернётесь». И ещё: «Хотя ты всего лишь его потомок, в твоих жилах течёт самая грязная кровь, и тебе из поколения в поколение придётся искупать эту вину».

Поскольку он не был уверен, была ли это зацепка, то запомнил каждое слово.

Он знал, что и умом, и силой не вышел, и чтобы быть полезным Лу Хуэю, чтобы его не бросили, нужно было изо всех сил стараться быть ценным, а не просто игроком на подхвате.

Лу Хуэй взглянул на Мин Чжаолиня, и тот, на удивление, его поддержал:

— Последняя фраза у меня отличалась, что-то вроде того, что я — реинкарнация тех самых деревенских.

Итак...

Лу Хуэй задумался. Его роль была иной.

Он снова посмотрел на Яо Хаохао:

— А ты?

Лу Хуэй всегда чувствовал, что зацепка из рюкзака Яо Хаохао была особенной.

Потому что в зацепке Яо Хаохао упоминалось «сегодня наконец услышала о деревне Цзюаньлоу», словно она намеренно разыскивала сведения о деревне Цзюаньлоу, даже создавалось впечатление, что она присоединилась к новостникам именно ради возможности получить информацию о Цзюаньлоу. В зацепках других тоже не говорилось прямо, что они не искали Цзюаньлоу, но ни у кого не было такой явной направленности, как у Яо Хаохао.

Зацепка Яо Хаохао и впрямь была необычайно особенной.

Если та рабочая тетрадь принадлежала не ей, то, чтобы оказаться у неё, между ними должны были быть неразрывные связи; если же тетрадь была её, и инстанс просто не наделил её воспоминаниями в виде баффа для усложнения задачи, то та фраза «Я так взволнована, я так счастлива... Я снова слышу это, на этот раз...» выглядела весьма многозначительно.

Однако... судя по рабочим записям, их автор руководил группой, в то время как в предыстории Яо Хаохао группой руководил её преподаватель.

Следовательно, более вероятен первый вариант.

Яо Хаохао не стала скрывать от них. Она глубоко вздохнула, потёрла виски, пытаясь упорядочить хаос в голове, и рассказала обо всём, что только что произошло.

Остальные: «?»

Яо Хаохао не удержалась и высказала свою догадку:

— Я что... Бог-Баран?

Лу Хуэй, глядя на её испуганное лицо, вполне искренне ответил:

— Честно говоря, судя по имеющимся зацепкам, это наиболее вероятно.

Яо Хаохао почувствовала, что у неё сейчас процессор перегреется:

— Но тогда почему я на вашей стороне??? И если я Бог-Баран, то как быть с зацепкой в моём рюкзаке, сюжетом моей роли от Системы, и ещё...

— Сначала успокойся. — сказал Лу Хуэй. — Мне кажется, наше понимание расстановки сил может быть не совсем верным.

Яо Хаохао не понимала:

— Что?

— ... Точно. — вмешался Вэнь Юаньшуй. — Вообще, если исходить из истории в иллюзии, то место, где мы сейчас находимся, определённо ненастоящее, под ним есть ещё один, реальный уровень.

Ведь деревня Цзюаньлоу не должна была иметь возможности развиваться дальше и превратиться в современное сельское поселение.

Лу Хуэй покачал головой:

— Я не это имел в виду.

Вэнь Юаньшуй: «?»

Но Лу Хуэй не стал развивать мысль:

— Я и сам не знаю, как вам объяснить, но мне кажется, что в представленной нам истории есть много странных, непонятных мне моментов. К тому же, я постоянно чувствую, что мы мыслим слишком поверхностно.

Он посмотрел на Вэнь Юаньшуй:

— А у вас что было?

Раз уж договорились о сотрудничестве, Вэнь Юаньшуй естественно не стал ничего утаивать:

— У меня, правда, не было столь пространных разговоров, но я тоже видел А-Гуань. Она просто молча стояла передо мной, потом вздохнула и сказала, что я не виноват, и всё.

Другой игрок, чьё присутствие то ощущалось, то исчезало, робко поднял руку:

— У меня тоже.

Собственно, исходя из этого, расстановка сил и впрямь такова — с одной стороны, «коренные жители, не евские человечины», а с другой — «реинкарнации или потомки тех, кто пришёл извне и когда-то вкусил плоти».

Но Лу Хуэй чувствовал, что всё не так просто.

Он также не считал, что Яо Хаохао можно причислить к стороне Вэнь Юаньшуня, и причина была проста.

Учитывая, что его собственная роль, похоже, тоже не была простой, но А-Гуань раз за разом являлась именно ему, становилось ясно, что и Яо Хаохао, и он сам определённо были на одной стороне с Мин Чжаолинем и остальными.

Следовательно...

Разделение шло не по принципу «ел ли ты человечину в прошлом».

Лу Хуэй:

— Похоже, ответы на некоторые вопросы придётся искать на «следующем уровне».

Правда, хоть он и призвал сюда Яня, тот, однако, не спалил этот уровень дотла, так что...

Он посмотрел на постепенно редящийся снаружи туман:

— Попробуем зайти в горы.

Вэнь Юаньшунь не возражал, но:

— Ты не рассказал, что было у тебя.

Лу Хуэй аж прыснул:

— Точно.

И словно только сейчас вспомнив, он рассказал о том, что произошло с ним.

Мин Чжаолинь приподнял бровь:

— Выходит, твоя роль особенная.

Кем же он был?

Раз А-Гуань сказала Лу Хуэю: «Неужели ты и вправду забыл всё это?», значит, он точно был тем, кто через всё это прошёл. И это отличалось от того, что услышали они... Неужели он и есть А-Юн?

Мин Чжаолин с любопытством взглянул на Лу Хуэя, уголки его губ тронула многозначительная усмешка:

— А-Мань, ты ведь не скрываешь от нас зацепки?

Лу Хуэй фыркнул:

— Не веришь мне, но продолжаешь расспрашивать. Тебе самому не надоедает?

Мин Чжаолин приподнял бровь:

— А вот тут ты меня обижаешь. Это же не я тебя спрашивал.

Вэнь Юаньшуй: «...»

Серьёзно? Обязательно втягивать меня в ваши игры?

<http://bllate.org/book/12898/1301781>